

Постояв немного, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Постояв немного, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

В. КРЫМОВ

ЧЕРНЫЕ ОЧИ

Эти черные очи —
Словно южные ночи.
В звездах ярких
сверкают,
Страстью знойной
манят.
Эти черные очи
Счастье мне обещают.
Эти черные очи
Мне блаженство сулят.
Эти черные очи,
Мне забыть вас
нет мочи.
Не дают мне покоя,
Ни покоя, ни сна.
Эти черные очи —
Вы повсюду со мною.
Эти черные очи,
Вы пленили меня.
Эти черные очи.
Что они мне пророчат?
Или счастье до края,
Или горе-беду?
Эти черные очи.
Я без вас пропадаю.
Эти черные очи,
С вами я пропаду.

В. ФИЛОНОВ

ЭВОЛЮЦИЯ

Жена предлагала:
«С устатку —
сто грамм!»
И он выпивал бла-
годарно.
Потом наливать себе
начал и сам,
Без повода
И регулярно.
Теперь у обоих отдельный
уклон,
И мир на них тихо
дивится:
Жена о разводе хлопочет,
А он —
О том, где найти
похмелиться.

М. ВОЛИКОВ

ВЕСНА

Весна ворвалась
в форточку
Тугим дыханием ветра,
И я, хлебнувший горечи,
Ей улыбнулся щедро.
И вот она стремительно
Так растрожит мысли,
А годы мои — зрители
Страницы пишут жизни.

Отгуляла сугробами вьюга,
В предвесенней застыв тишине.
Март пошел половодьем по лугу,
Ну а мне — белизной в голове.
Много дум передумано зимних,
Пережато людской клеветы.
Напитают весенние ливни
В моем сердце ростки доброты.
И пробьются набухшие почки
Чистым голосом птиц в вышине,
И светлее покажутся ночи,
Всколыхнув что-то нежно во мне.

Н. ЛИЯ

Я буду жить всегда!
Я буду жить везде!
В цветах, в траве,
в воде —
Я буду жить везде!
Я так хотела жить,
Но жизнь не удержать
И зло не победить.
И вот уж Бог один
Решает, как мне жить.
С тобою быть иль нет,
Какой оставить след.

В. ТЮТЮННИК

Люблю домашние цветы,
Особенно цвет розы.
Люблю, что их дарил мне ты,
Лаская сердца грезы.

Цветы лелеяла всегда
И поливала в меру.
Но час пришел: раз навсегда
Я потеряла веру.

Сама я бросила цветок —
Ему-то все равно, —
И этот брошенный росток
Засох уже давно.

Д. ТОЛКАЧ

Сейчас с тобою мы в разлуке,
Тебя со мною рядом нет.
Но лишь к тебе стремятся руки,
Мой «восхитительный рассвет».

Душа у женщины — хрусталь,
Не терпит чуждых ей касаний.
Она таит в себе печаль
Своих несбывшихся мечтаний.

Т. ЖАРИНА

У меня под окном три березы растут.
Они сверстницы сыну и дому.
Удивляюсь, любясь, где силы берут,
Чтоб тянуться в ту высь,
Словно к миру иному.

Они летом к себе детвору соберут,
Им в тени своей свежесть подарят:
И детишки, под стать им, быстрее
растут

И в солдаты пойдут —
В грязь лицом не ударят.

И. ЛЯМЦЕВ

Дни словно спицы крутятся
На колесе судьбы.
Сказали просто: слюбятся,
Нет счастья без борьбы.

Сказали, как отрезали
Мне ткани на пиджак.
Не верили: все меряли,
Скроили кое-как.

С годами все заметнее
Убогость наших чувств.
Мы стали поприветливей,
Но мир душевный пуст.

Не зря судьба — тюремщица,
Жизнь — камера с глазком.
А счастье спицей вертится,
Но в колесе чужом.

Всю ночь шаманила гроза,
Дубаса в бубен небосвода.
На пляску эту, чуть дыша,
Взирала трепетно природа.

А утром брызнула заря
На землю розоватым светом.
Неужто страхи были зря?
Неужто мне приснилось это?

В окошко перламутра лист
Свисает с сонного каштана.
И, как заядлый гармонист
Скворец насвистывает рьяно.

А. ВАГАБОВ

Такой нынче день, что нельзя
Не знать, как любима ты мной.
Смотрю в твои звезды-глаза
И вновь называю родной.

Такой нынче день, что душа
Зовет тебя, шепчет, поет, —
За окнами листья кружат,
И колокол в храм нас зовет.

Такой нынче день. Улыбнись.
Мне легкость твоя — дар спасенья.
И каждое слово — нам высь,
И слезы любви — сновиденья.

А ЯБЛОНИ-ТО РАСЦВЕТАЮТ...

Наступил вечер, дождливый и ветреный. Тучи неслись быстро, в рваных разрывах, не успевая пролиться дождем над садом и подворьем. Сад шумел, жадно поглощая редкие, крупные капли. Прижавшись к стене сарая под стрехой, Лукич смотрел на тучи, слышал отголоски первого грома, но сейчас это стало побочным, хотя он ждал дождя с нетерпением. Одолевали мрачные мысли, и в дом не хотелось идти: пьяная развязность сына, слезы внучки, полные горя и негодования глаза невестки выбивали из привычной колеи, принуждали уходить из дома. Обычно мягкий человек, он наорал на сына: «Не смей оскорблять жену! Не просишь пить — уи-райся вон!»

Лукич надавал сыну тумачков, вытолкал из дома. Назавтра хмурый, мятый Лешка что-то невнятно бормотал, винясь за вчерашнее, пытался обнять отталкивающую его жену, избегал глаз отца. Небольшие деньги, какие получал, Лешка домой не приносил. Жили на пенсию Лукича и мизерную зарплату невестки, воспитательницы сада.

А ведь все было хорошо: красивый, образованный сын женился на ласковой Насте. Сыграли свадьбу, и пошла жизнь. Молодые были счастливы, счастлив был и Лукич. Дождь в внучки и души не чаял в маленькой Машеньке.

Лешка работал инженером на электро-механическом заводе, любил семью, отца. Машенька росла, дед потихоньку старел, чуть сутулился. Потом Лешка стал приходить в подпитии, дальше — больше, и пошло, и поехало. Начались скандалы, зачинщиком которых был Лешка. Он ревновал жену к кому угодно, не видя, как пожирал ее глазами объявившийся друг семьи Валерка. Тот всегда приходил с бутылкой, запросто садился за стол и начинал разливать водку.

— И красавице, молодой хозяйке нальем. Пусть немного отойдет от бесконечных забот, — говорил Валерка, не отрывая глаз от рдеющей Насте.

Однажды Валерка пришел один, Лешка где-то задержался.
— Можно я подожду Лешку?
— Жди, — сказал Лукич и вышел из дома.

— Папа...а...а! — услышал Лукич истошный крик Насте из смежной комнаты, когда вернулся в дом.

Старичком себя он еще не считал и вмиг выдворил вон взъерошенного друга семьи. А Настя плакала.

— Больше ноги его здесь не будет, — отрубил Лукич.

Лешка продолжал будоражить семью, не давал покоя нездоровой активностью и бесконечными претензиями к жене. С инженерной должности его выгнали, устроился сантехником в аварийную службу.

Стало совсем темно. Лукич покинул место под стрехой и пошел в дом. Сын спал на коврик у дивана. Насте с Машенькой не было.
— Видно, не выдержала, убежала к матери, — подумал Лукич.
Утром Лешка хватился своих.
— Куда они делись? — спросил он, — мучительно преодолевая головную боль.
Лукич сурово смотрел на сына, жалкого, потрепанного, заросшего длинной, нечистой шевелюрой и черной щетиной.

Вечером Лешка пришел трезвым. Лукич сидел на скамейке у калитки. Лешка сел рядом, робко поглядывая на отца. И следующие дни они молча сидели и думали свои думы.

— Батя, — тихо сказал Лешка. — Ты прости меня за мои закидоны. Не знаю, получится ли, но держись изо всех сил. Сходи, пожалуйста, поговори с Настей, — еще тише и как-то обреченной добавил он. — Плохо мне без них.

Лукич молчал, долго молчал.
— Ты вот что, сын, изволь сам налаживать отношения. Ты муж и отец, и кругом повинен.

Вечером, с темнотой Лешка пошел к Насте. Вскоре вернулся хмурый и сникший.
— Сказала, что не верит.

Как-то появилась Машенька. Она частенько забегала к деду. Глаза искрились радостью, сама ладная, красивая... Невестушка...
— Деда, а яблони-то расцветают!

Как и прежде, обняла деда, расцеловала, всколыхнула унылую неподвижность бытия. Потом притихла.
— А как папа?

— Тоскует тоже, тоскует и плачет. Вот бы и вернулись. И я бы еще успел порадоваться.

— Не решается мама, — после небольшой паузы грустно сказала Машенька.
После ухода Машеньки у Лукича заняло сердце. Он достал нитроглицерин, по-сидел. Немного отпустило.

— Благодать-то какая! Днями совсем распусаются, только и жить, — сказал он вслух, выйдя в сад.
Ко дню Победы к Лукичу приехали два фронтowych друга.

— Здорово, комбат! — закричал с порога один из них, высокий, с пепельно-седыми волосами.

Обнялись, троекратно расцеловались. Друзья были при ордене, Лукич надел свой офицерский китель. Посидели. После воспоминаний дошло до песен. Вышли в сад. День близился к вечеру. Вчера прошел дождь, и до сих пор в забелешвом, зарозовевшем саду было свежо и все пронизано заходящим солнцем.

Лешка с самого их появления был с ними и молча прислушивался к старым солдатам. В военную пору парнишками они приняли всю неизмеримую тяжесть жестокого побоища. Сколько их полегло!

И вдруг Лешке стало стыдно, мучительно стыдно, до боли в висках, до слезы перед этими людьми, заканчивающими свой человеческий путь. Он взмок. «Как же я, сын фронтовика, дошел до такой жизни!»

А назавтра, когда фронтовики с грустью прощались, понимая, что это их последняя встреча, стало больно за бату, родного человека, как-то в последнее время ссутулившегося и постаревшего. «Он не вечен, это его крайние годы и его может не стать, и некому будет даже поругать, пожурить его, дурня Лешку, или просто посидеть с ним на лавочке».

— Сынок, — сказал Лукич после отъезда друзей. — Тоскливо нам с тобой без Насте и Машеньки. Иди к ним. Просто скажи, что мы не можем без них. Тебе тяжело далось это время, и совесть твоя чиста. И не дай тебе Господь вновь сломаться! Иди с Богом. Я жду тебя с ними. Пора налаживать жизнь

Г. ПИСАРЕВСКИЙ.

ВЫБЧАНИЕ

А. КОЛМАКОВ

МОЯ ЛЮБОВЬ

Моя любовь сильнее любви иной,
И бескорыстней, чище и добрее.
Сегодня я живу одной тобой,
Жить по-другому просто не умею.

Любовь — не увлечение, не азарт,
Любовь не страсть, она гораздо выше.
Моя любовь прозрачна как слеза,
Свежа как воздух, тот, которым дышим.

Моя любовь тебе вся отдана,
Возьми ее, согрей в своих ладошках.
Моя любовь прекрасна как весна,
Моя любовь загадочна немножко.

Любовь на жизнь, на много долгих лет,
Со мной, с мгновенья первого признанья.
Любовь как звезды, от которых свет

А. РАДЧЕНКО

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВЕСНЕ

Середина февраля — серединушка
И на сердце залегла грусть-кручинушка.
«Что-то зимушка-зима не старается —
По дорогам грязь-вода разливается».

Почки выметнет сирень не ко зрени,
Снег навалится на них тяжким бременем.
Под стрехой воробьи в стайку скучатся,
Белой шапкою сугроб нахлобучится.

Вдруг опомнится зима, вдруг опомнится,
Ледяным покровом хлябь успокоится.
Снег омоет у берез белы рученьки —
Не ко случаю — весна, не ко случаю...

Вьюжной ночью ветер в ставень простукает
И метелями весну убаюкает...
«Спи весна, засыпай ты, до времени —
Прозвени ты, нам в марте — капелями.
А в апреле — заливай щедрым солнышком,
В мае — грозы пролей полным ведрышком,
К лету теплому, весна, не опаздывай!»

К. ПОПОВ

Натали, ты моя Натали!
Улыбнись, как прочтешь хоть раз.
На Сережку Есенина я
Так хочу быть похожим сейчас.
Что поделать с тобой я могу —
Постарайся меня понять.
Я люблю тебя или нет,
Серый рай мне, или светлый ад?
Мне бы руки твои целовать,
Задыхаясь шептать «Люблю».
Ну а я этот зимний сад
Вспоминая, будить не хочу.

Постояв немного, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

Постояв немного, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

Постояв немного, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.